

ОБ УПРАВЛЕНИИ ПРАКТИКАМИ И ТРЕНДАМИ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1. Реальность современного мира испытывает радикальные изменения, не только в динамике своего развития, но и в самой своей природе, фактуре. Сценарии, перспективы этих изменений еще мало раскрыты, но одна из основных линий в поисках их понимания ведет нас «в сторону человека»: многие корни изменений оказывается возможным проследить на антропологическом уровне. В современной реальности Антропологическое и Социальное встают в новые отношения и образуют новую конфигурацию, которая характеризуется их тесной взаимной зависимостью и переплетенностью. В подходе синергичной антропологии для описания этой новой конфигурации служит прежде всего понятие антропологического тренда. Антропотренд определяется как связный комплекс антропопрактик, который со временем наращивает свою массовость и распространенность, приобретая, тем самым, растущую значимость на социальном уровне. Т.о., это антропологический феномен, который одновременно принадлежит социальной реальности и непосредственно транслирует воздействие и влияние антропологического уровня на социальный.

В своей совокупности антропотренды формируют область реальности, явления которой равно наделены антропологической и социальной природой; мы называем эту область «интерфейс Антропологического и Социального» или для краткости, АС-интерфейс. Насколько значима и важна эта область? Когда человек существенно не меняется и антропологическая реальность относительно стабильна, тогда набор антропологических трендов невелик, эти тренды мало влиятельны, и АС-интерфейс не играет особой роли в глобальном развитии, которое в подавляющей мере определяется социальными процессами. Напротив, когда с человеком идут активные и резкие изменения, соответствующие тренды глубоко сказываются и на социальном уровне, на глобальной динамике; АС-интерфейс растет и может приближаться к масштабам всей целокупной антропосоциальной реальности.

Именно такова наша современность. Изменения, происходящие с человеком, беспрецедентны и необычны, они затрагивают не только взгляды, сознание, поведение человека, но и сами биологические основы человеческого существа, его соматику и генетику, делая вероятным даже приход некоего «постчеловека» на смену человеку. Эти изменения сказываются на всех аспектах социальной реальности – растущая роль антропологических факторов в культурных, политических, экономических процессах сегодня очевидна и признана. В наших терминах, это означает, что АС-интерфейс играет решающую роль в современной реальности, и благодаря этому наш аппарат адекватен для ее изучения. В его рамках мы описываем развитие глобальной реальности, отправляясь с антропологического уровня и в первую очередь прослеживая на этом уровне самый крупномасштабный процесс – смену доминирующих антропологических формаций. Каждая из этих формаций определяется некоторой *парадигмой конституции человека*; а каждая парадигма, в свою очередь, связана с определенным способом *размыкания человека в предельном опыте*. Следом за длительной эпохой, когда доминирующим было онтологическое размыкание (размыкание навстречу иному образу бытия, «онтологическому Другому») и дальнейшим периодом доминантности онтического размыкания (размыкания к «онтическому Другому»), который не вне наличного бытия, как

например бессознательное), к концу минувшего века приходит период доминантности размыкания виртуального, которое осуществляется в выходах в антропологическую виртуальную реальность – таких например, как пребывание в киберпространствах. Три эти формации именуется, соответственно: Онтологический Человек, Онтический Человек и Виртуальный Человек.

Сегодняшней задачей является, таким образом, изучение практик, трендов и АС-интерфейса Виртуального Человека. Здесь надо отметить, что современный дискурс виртуальных практик, разбитый на множество частных сфер (виртуальность компьютерная, в эргономике, в психологии и т.д.), оперирует, как правило, с весьма размытыми представлениями о виртуальности как таковой, не имея цельной общей трактовки этого ключевого понятия. В отличие от этого, в синергичной антропологии развита философская концепция виртуальности: учитывая опыт основных этапов истории понятия, начиная с его истоков в основаниях механики («виртуальные перемещения», что рассматривались Галилеем, И.Бернулли, Эйлером), а также в монадологии Лейбница, она суммирует этот опыт в понятии виртуального как «неполно актуализованного». На ее базе мы обратимся к анализу трендов, формирующих виртуализованный АС-интерфейс.

С этим анализом сразу соединяются, однако, задачи контроля и управления трендами, задачи их коррекции или блокирования. Причины вполне очевидны: современный мир расценивается как «общество риска», и в его развитии изобилуют опасные тенденции и негативные явления. Отношение к ним не может ограничиваться лишь наблюдением и дескрипцией, необходимо встают вопросы о возможности воздействия на них, а затем и о практических стратегиях такого воздействия. В синергичной антропологии проблема управления трендами получает новую постановку, которая соединяет в себе опыт антропологических практик себя и политических практик революционного действия. Как мы заметили, по сути одна и та же схема или парадигма управления была открыта В.И.Лениным в сфере политических практик и описана М.Фуко (независимо от Ленина) в антропологии, на примере позднеантичных практик себя. В первом случае задача управления требует достичь определенного изменения социополитической реальности – осуществить смену государственно-политического строя; во втором случае эта задача требует достичь определенного изменения антропологической реальности – осуществить заданную трансформацию сознания и всего человека (адепта практики себя). Вычленив единую парадигму в этих двух областях, столь взаимно далеких, мы дали ей название «матрицы управления Ленина-Фуко». Данная матрица есть структура, включающая три взаимосвязанных уровня, или плана:

концептуальный план – план оснащения – операционный план.

Каждый из этих планов представляет собой некоторый комплекс практик. В практиках концептуального плана создается теоретический фонд, который должен содержать понятия и идеи, дающие освещение ситуации, выделяющие ее тренды и доказывающие необходимость их определенного изменения. Операционный план содержит те практики, которые непосредственно осуществляют само требуемое изменение реальности – соответственно, социополитической или антропологической. И очевидно, что для этих двух уровней необходимо связующее звено, которое указывало бы путь и способ перехода от теории к практикам реального действия. Это – ключевое звено, именно оно превращает всю структуру в действенное единство, выполняющее задачу управления. Мы дали ему название «оснащения», следуя Фуко. Функция его очевидна: она заключается в том, чтобы преобразовать, перевести теоретический фонд в прямые инструкции и установки, в оружие для практических действий.

Наша цель – выявить отличия и особенности матрицы управления в сфере виртуальных практик. Сначала вкратце опишем обе известные репрезентации этой матрицы, начав с репрезентации политической, с «матрицы Ленина».

Концептуальный план – теоретические основы революционного марксизма в ленинской редакции и с ленинскими дополнениями. Существенный элемент этого плана – учение о революционной партии как «авангарде пролетариата».

План оснащения. То, что способно сделать указанный Концептуальный план основой и руководством для практических действий, – не что иное как *идеология*. Препарируя и упрощая теоретический фонд, она превращает его в связную, логически полную систему убеждений. Убеждения должны быть предельно ясны и просты, а система должна непременно содержать также набор оценок и установок, нацеливающих к определенным реакциям и действиям. Наряду с идеологией как таковой, в план оснащения следует включить и революционную партию: она обеспечивает внедрение идеологии и инструктаж по ее применению. Вкупе эти две составляющие делают данный план вполне соответствующим названию: те, кто воспринял его содержание, становятся законченно оснащенными для действия; и коль скоро речь идет о революционном действии, то это оснащение есть, даже не очень фигурально, их боевое снаряжение, вооружение.

Операционный план – последовательность революционных социальных практик, которые осуществляет полностью оснащенная социальная группа (пролетариат). Весь комплекс практик направляется к заданной цели смены государственно-политического строя.

Антропологическая репрезентация, или же «матрица Фуко» реализуется в практиках позднеримского стоицизма, эпикурейства, кинизма, согласно их реконструкции в «Герменевтике субъекта» Фуко (1982). По Фуко, эти практики представляют собой практику себя – последовательное самопреобразование целокупного человека, направляющееся к заранее заданной цели, «телосу» практики себя. Реконструкция Фуко позволяет интерпретировать данную практику себя как осуществление управления антропологической реальностью. Матрица управления принимает здесь следующую форму.

Концептуальный план – это вновь некоторый фонд понятий и идей, который в данном случае заключен в форму так называемых «истинных речей», обращаемых к адепту практики его учителем. Содержание фонда, как и в «матрице Ленина», дает полную систему убеждений, но преимущественно направляется на развитие личности адепта, посвящаясь темам познания мира и человека, его разума и сознания, а также ориентации человека в окружающей действительности, в обществе и last but not least в собственной жизни.

План оснащения – упрощающе-нацеливающая переработка Концептуального плана, которую осуществляет адепт в ходе усвоения «истинных речей» учителя. Само понятие оснащения (греч. *paraskeue*, лат. *instructio*) Фуко находит в лексике позднеантичных практик себя. В его смысловой структуре он выделяет такие важнейшие моменты. Прежде всего, формирование оснащения – это выборка, отбор избранных речей, которые усваиваются по-особому, накрепко: адепт их «повторяет на память, произносит вслух, записывает и переписывает»¹. Таким путем он должен не просто усвоить и запомнить их, а впитать внутрь, чтобы они вошли в его плоть и кровь, «проникали бы внутрь человека и направляли бы его... став его мышцами и нервами»². Элементы оснащения должны быть такую подмогой человека, что постоянно, без специального зова, у него присутствует под рукой. Главные принципы отбора этих элементов таковы же как в случае политических практик и идеологии: оснащение должно быть четкой системой простых положений и мотиваций к действиям. «Эти речи... убедительные в том смысле, что не только убеждают, но и побуждают к действию»³. В итоге, возникает суммарная дефиниция:

¹ М.Фуко. Герменевтика субъекта. СПб., 2007. С.350.

² Там же. С.353.

³ Там же. С.351.

«Paraskeue – это способ непрерывного преобразования истинных речей, глубоко укорененных в субъекте, в морально приемлемые принципы поведения»⁴. Как ясно отсюда, оснащение сближает, сводит воедино утверждения истины (истинные речи, образующие Концептуальный план) и выражения долженствования, т.е. этические суждения; так что «Paraskeue – это среда, стихия преобразования логоса в этос»⁵. Применительно к «матрице Ленина» это значит, что идеология революционного действия несет в себе собственную, имманентную революционную этику (на чем всегда и настаивали истые революционеры).

Операционный план – это антропологические практики, которые, руководствуясь оснащением, осуществляют самопреобразование человека к телосу практики себя. В качестве телоса служит, по Фуко, «истинная самость» (le soi) человека, такое состояние, в котором он стал «истинным собой», стал «сообразным истине». Продвижение к телосу совершается посредством системы упражнений разного рода, умственных, нравственных и др., которые охватывают все аспекты человеческого существования и объединяются у Фуко в категорию «духовные упражнения». Наиболее разработанной является система упражнений римского стоицизма, основные упражнения которой получили широкую известность: «досмотр души», предвосхищение несчастий (praemeditatio malorum), размышление о смерти.

2. По отношению к практикам и трендам Виртуального Человека, построение матрицы управления – масштабная задача из ряда стадий. Надо выявить специфические отличия виртуализованной антропосоциальной реальности, проделать обзор всех характерных практик и трендов Виртуального Человека и выделить из них те, к которым в первую очередь следует подойти с заданиями управления и контроля. Лишь вслед за тем следует приступать к непосредственному построению трех планов матрицы управления. В этой заметке мы не можем, разумеется, следовать такой программе и ограничимся тем, что укажем главные отличительные черты виртуализованной матрицы управления. Наиболее явно, выпукло они выступают в случае «матрицы Ленина», в социополитической реальности.

Способ существования Виртуального Человека таков, что это существование отнюдь не протекает всецело в виртуальной реальности. *Виртуальный Человек – амфибия*, его существование разделяется между виртуальной и актуальной реальностью, но при этом, по самому определению, его конституция виртуальна, его базовые антропологические и личностные структуры виртуализованы. Это означает, что некоторые элементы основоустройства человека остаются недоактуализованы и отсутствуют; а за счет их отсутствия не могут не нарушаться свойства взаимосвязанности, единства и полноты этого основоустройства в целом, а равно и основоустройства сознания и разума. Сознание и разум Виртуального Человека не усваивают и тем паче не создают никакой единой связной системы представлений, «картины мира», вместо этого они содержат набор отдельных несвязных блоков.

Отсюда уже раскрываются и свойства политической реальности, которую выстраивает Виртуальный Человек. Актуальная политическая реальность выстраивается и структурируется соответственно спектру политических позиций, которые в свою очередь определяются убеждениями; при этом, зрелая, прочная позиция возникает на базе цельной системы убеждений, которые порождают у человека состояние полной и твердой убежденности. Однако у Виртуального Человека нет и не может быть такой системы, а равно не может быть совершенной убежденности. Виртуальный Человек, вообще говоря,

---

⁴ Там же. С.354.

⁵ Там же.

ни в чем окончательно не убежден и не испытывает никакой в том необходимости. С вступлением в *Виртуальную топика*, в период доминантности *Виртуального Человека*, приходит конец «эпохи убеждений». При этом, любое отдельное убеждение может и сохраниться: то, что утрачивается, – это сфера убеждений с ее специфической организацией (связность, систематичность, полнота), обеспечивающей прочность всех ее элементов, и в ее специфических функциях (формирование социально-политических установок и стратегий). Оставшееся – это разрозненные обрывки убеждений, которые легко теряются, заменяются другими и уже не формируют полностью всю сферу социополитического поведения, стратегий и установок. Поэтому помимо убеждений в формировании этой сферы начинают участвовать самые разные факторы, в том числе случайные: субъективные предпочтения, склонности, слабости, сторонние влияния и воздействия...

При внешней необычности такой социополитической сферы, в ней, как то и следует из наших дефиниций виртуальности, не создается никаких принципиально новых форм, и цели управления, которые здесь преследуются, также не являются новыми: в радикальном, ленинском варианте, это смена государственного строя, затем смена правления, победа на выборах, успех политической или общественной кампании и т.д. Однако осуществление управления становится совершенно иным – все три плана «матрицы Ленина» кардинально меняются.

Концептуальный план, доставляющий фонд идей и понятий для решения задачи, должен наполниться совсем другим содержанием. В социополитической реальности, ставшей не только постиндустриальной, но и виртуализованной, марксизм-ленинизм не может уже указать никаких ориентиров ни для выбора социальных групп, осуществляющих *Операционный план*, ни для наполнения *Плана оснащения*. От прежнего концептуального плана могут сохраниться разве что некоторые структурные и организационно-технологические элементы, и это значит – скорее Ленин, чем Маркс. Эту сохраняющуюся в известной мере актуальность Ленина пронизательно уловил Жижек и вероятно, разработки Жижека, продолжающие старое направление фрейдомарксизма в обновленном русле виртуализованного лаканоленинизма, могут быть использованы для построения концептуального плана виртуализованной матрицы Ленина. Аналогично, этот план мог бы включить в себя элементы представленной Слотердайком аналитики социополитической реальности в призме цинического разума, а также и элементы шизоанализа Делеза и Гаттари.

Но главные особенности виртуальной политической сферы отражает *План оснащения*. В актуальной социополитической реальности его занимала «идеология», понимаемая по-ленински упрощенно – как препарированная теория, несущая в себе минимальный каркас мировоззрения и этики и могущая служить как полный комплект «идейного вооружения» в революционных практиках. Иначе говоря, она обеспечивает полную убежденность и систему убеждений – а это те свойства, которых не может иметь *Виртуальный Человек*. Ergo, *Виртуальный Человек* не может обладать идеологией; эпоха его доминантности, *Виртуальная топика*, есть конец как «эпохи убеждений», так и «эпохи идеологии». Для управления его практиками и трендами оснащение должно быть иным. Отсылая к другим моим текстам за его описанием, отмечу лишь основные черты. *Виртуализованной социополитической среде* присущи качества бессвязности, фрагментированности, недоопределенности. Подобная среда невосприимчива к идеологии, и на место последней вырабатывается ансамбль крайне разных, разноприродных практик, для которого естественно принять название *пост-идеологии*.

Пост-идеология не стремится формировать систему убеждений, оставаясь лишь бесструктурным комплексом элементов, лишенных, вообще говоря, логических, причинно-следственных и каких-либо иных связей. Но это – любопытные элементы! Место прямых техник убеждения, укорененных в древних искусствах доказательства и

риторики, занимают всевозможные техники косвенного провоцирования нужной реакции и позиции с помощью самых разных воздействий, явных и скрытых, не только (а зачастую и не столько) на разум человека, но и на его эмоции, а иногда и перцепции. На первое место в пост-идеологическом оснащении выходят голословные декларации, слоганы, реклама, пиар, в том числе черный пиар, разнообразные средства психолингвистики, типа нейролингвистического программирования (НЛП), неожиданные и нестандартные акции. *Элементы виртуального оснащения – это сингулярные провоцирующие воздействия любой природы.* По своему характеру, они дискретные и точечные, не длящиеся и долгосрочные, а единовременные и ситуативные. Их разработка – задача *политтехнологий*, которые в виртуализованной реальности приобретают новые специфические формы: они структурируют эту реальность так, как ей это адекватно, – на ситуации, и работают с этими ситуациями, организуя в них нужные точечные события. Разумеется, к такой организации привлекаются и медиа, которые в виртуальном оснащении получают новую роль: будучи уже не идеологично, а ситуативно, это оснащение точно использует, вообще говоря, любые разделы и любые содержания сферы медиа, вместо прежнего систематического использования строго определенных «структурных сопряжений» (Н.Луман) с этой сферой. В целом, к виртуальным политтехнологиям сегодня принадлежит львиная доля всех популярных средств управления политтрендами – встречи в киберпространстве между лидерами и массовой аудиторией, сетевая организация политакций, флэшмобы, эпатажные выступления и мн. др.

Мощный тренд всесторонней виртуализации – несомненная черта современности. Естественно, что многие ее характерные, важные явления можно связать с ним и описать на его основе. Прежде всего, это вся группа новейших феноменов, маркируемых приставкой пост- (пост-современность, пост-идеология, пост-политика и т.п.): черты, передаваемые этой приставкой, можно львиною долей отнести к проявлениям виртуализации (как мы это видели на примере пост-идеологии). Но дело этим не ограничивается. Наглядно и очевидно, что новые современные виды сообществ – это *виртуализация сообщества*, новые формы общения – *виртуализация общения*. Затем идут проявления не столь зримые, но концептуально существенные. Можно показать, например, что изученное Луманом превращение массмедиа в автономную аутопойетическую систему со специфической реальностью, конституируемой «наблюдением второго порядка», может интерпретироваться как *виртуализация массмедиа*. Здесь открывается более глубокая проблематика: реальность массмедиа, трактуемая по Луману, может далее быть понята как особый род виртуальной реальности. Этот род определяют, прежде всего, эпистемологические черты: как верно заметил Луман, современные массмедиа создают ситуацию так наз. «открытой эпистемологии», производя кантовскую трансцендентальную иллюзию; в дискурсе же виртуальности, тут происходит *виртуализация истины* и конституируется эпистемологическая, или же «кантова» виртуальность.

Связь всех этих явлений с трендом виртуализации открывает новый подход, новое русло для их понимания и анализа. Данный подход трактует их на единой общей основе, которую доставляет (философски фундированная) концепция виртуальности в синергийной антропологии. Поэтому он может служить ценным дополнением к прежним, которые в большинстве своем более узки и эмпиричны.

2014 г.